

Социальная психология городского образа жизни: город страха

Н. К. РАДИНА

*доктор политических наук, кандидат психологических наук, доцент,
профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Нижегородского
государственного педагогического университета, профессор кафедры
психологии Нижегородского института менеджмента и бизнеса*

В данной статье на основе концепции социальных представлений реконструируется символическая карта опасных и страшных мест города. Системой координат этой «символической карты страхов и рисков» становятся два конструкта: «Город—Не город» и «Я—Другой». Доказывается, что места страха горожан связаны преимущественно с «Другими» в городе.

Ключевые слова: городской образ жизни, страх, риск, Другой, Чужак.

«Происходящее в городе касается нас всех», — утверждает Л. Вирт, имея в виду, что большинство американцев проживают в городах [4]. Начиная с 2008 г., согласно мнению экспертов ООН, не только в США, но и во всем мире горожан окажется большинство [21].

Жизнь в городе, по Л. Вирту, предполагает получение свободы (анонимность, отсутствие пошагового контроля со стороны группы, социальная дистанция и т. п.); также важно понимать и обратную сторону «городской свободы», а именно — страх, пугающие, страшные жителей городские места.

Возникает закономерный вопрос: как изучать городские «страшные места»? Выбрать ли стратегию Р. Парка и Э. Берджеса, которую те использовали, опираясь на теорию концентрических зон и метод картографирования для реконструкции криминогенных районов Чикаго и учитывая наблюдение, уличные опросы, местную статистику, — рисовать «зоны страхов» на карте городов [15]. Или, понимая, что область «страхов» — во многом область иррационального и субъек-

тивного, предпочесть стратегию С. Милграма и пользоваться не реальными картами, а индивидуальными «субъективными» картами городских страхов [13].

В социологическом плане ранее страхи исследовались преимущественно в контексте социальных изменений (Л. Карр, С. Принс, П. Сорокин и др.) и в контексте отражения в массовом сознании реальных и потенциальных катастроф. Однако по-прежнему, начиная с 20-х гг. XX в. и до настоящего времени, категориально-понятийный аппарат для описания страхов и угроз разработан недостаточно. Так, например, граница в исследованиях между понятиями «страх» и «риск» проводится нечетко, а риск определяется посредством «опасностей» и угроз [5].

В современной психологии страх традиционно относят к «негативным» (нежелательным) эмоциям, различая страхи реальные и невротические (фобии), при этом базовым страхом считается страх смерти [10]. Анализируя страхи, как правило, опираются на понятие «страх» в определении З. Фрейда, со-

гласно которому страх — это определенное ожидание опасности [22]. Схожие определения можно найти в современных психологических словарях (см., например: страх — «эмоция, возникшая в ситуации угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направленная на источник действительной или мнимой опасности») [19]. Основная функция страха — защитная, «охранительная».

Реальный страх в психологических исследованиях также, как и в социологических, связан с риском, однако в психологических работах значительное внимание уделяется иррациональному, бессознательному компоненту реального страха [3]. Иррациональный компонент реального страха обусловлен базовой потребностью в безопасности и выражается в страхе перед неизвестным, который человек компенсирует, пытаясь включиться в «сеть культуры», социальные институты и ритуалы.

Реконструируя представления горожан о «страшных местах» в городе, в данном исследовании «городские страхи» будут описаны как реальные (не фобии), также будет учитываться связь между реальным страхом и риском. В качестве основной методологической схемы в изучении страхов в городе будет использована теория социальных представлений (Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Л. Леви-Брюль, С. Московичи, Ж. Пиаже и др.). Мы полагаем, что страхи горожан есть определенные знания и практики, разделяемые городскими жителями относительно «опасных мест» в городе, сформированные в процессе социального опыта и взаимодействия, обусловленные влиянием СМИ [18]. В теории социальных представлений значимое место

занимает «обыденное мышление», раскрывающее «коды» повседневного опыта, что совершенно необходимо при исследовании страхов в городе [7].

На основе проблемно-ориентированного неструктурированного интервью как основного исследовательского инструмента получения эмпирических данных в статье будут описаны «центральные элементы» изучаемых социальных представлений с опорой на гипотезу С. Московичи о наличии в них неких архаичных элементов — «тем». Таким образом, «страхи в городе» будут реконструированы не в контексте картографии (более или менее реальной), а как символическая составляющая «городского пространства».

Город по праву можно назвать «фабрикой страха». Городская свобода, по мнению известного исследователя «городских ландшафтов» Р. Парка, влечет за собой одиночество: в городе каждый во многом «сам по себе», а «пересаженный» в город человек становится проблемой для самого себя и для общества как никогда раньше [16].

В позиции Р. Парка, таким образом, просматривается некая «двузначность»: городское одиночество может быть условием как «внутренней опасности» горожанина (депрессии, погружение в иррациональное, в крайней форме — суицид), так и внешней незащитности; в любом случае городская автономия, «свобода» полна опасностей и страхов [26].

Но город, предлагая свободу и актуализируя страхи, дает инструменты для сохранения благополучия горожанина. Дж. Джекобс поясняет, что общественный порядок в городах обеспечивается сложным, почти бессознательным сообществом добровольного надзора и сдер-

живания, состоящим из простых людей: самые надежные стражи безопасности на городских улицах — сами горожане, а не полиция [25]. Основной признак благополучия городского района, по Дж. Джекобсу, — ощущение безопасности «среди незнакомцев».

Наше исследование опирается на интервьюирование жителей Нижнего Новгорода и малых городов областного значения (фокусированное неструктурированное интервью) и основывается на анализе историй о «страшных городских местах» 68 горожан (от 16 до 55 лет, более половины — женщины).

При реконструкции «центрального элемента» социального представления «страшные части (места) городского пространства» сначала более подробно будут рассмотрены иррациональные аспекты «реальных страхов» горожан, а представления о страшных местах как зонах риска будут проанализированы с учетом милицейской статистики и учебных пособий по безопасности на городских улицах.

Город как «фабрика иррационального страха»

Итак, поскольку даже реальный страх не является точным отражением риска, все «страшные места» в историях про родной город были разделены на объекты, места, районы, которые описываются в контексте риска (страшные, потому что являются местами риска), и на объекты, места, районы, которые пугают, но горожане, представляя «зоны страха», выдвигают в качестве обоснований причины, не связанные с очевидным риском.

Поскольку методологически было бы неверно исключать из причин страха все иррациональное, такие ответы были тематизированы отдельно, в результате чего сложилась некая карта города с учетом иррационального компонента реального страха. В результате образовалось семь тем, представляющих город как «фабрику иррационального страха».

1. Темнота

Темнота — очень популярная тема в описании «мест страха». Часто она представляется вне описания конкретных рисков, просто как нечто пугающее и страшное: «Для меня самые страшные места города — это темные улицы, очень темные улицы» (горожанка, 17 лет).

Однако необходимо уточнить, что о риске на темных улицах следует говорить только в случае, если темнота однозначно включает угрозу, но это не так. Достаточно вспомнить любое художественное произведение, описывающее ночь и темноту, чтобы понять, что сама по себе темнота не может быть угрозой: «В который раз томит меня мечта, Что где-то там, в другом углу вселенной, Такой же сад, и та же ТЕМНОТА, И те же звезды в красоте нетленной» [8].

В известной песне М. Бернеса из кинофильма «Два товарища» темнота удалена, самодостаточна, но также не выглядит пугающей: «Темная ночь, только пули свистят по степи, Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают» [1]. И только в детских страшных сказках темнота — обязательное условие предстоящих несчастий: «Наступила ТЕМНОТА. Не ходи за ворота: Кто на улицу попал — Заблудился и пропал» [24, с. 2].

Ж. Бутонье было предложено различать «страх темноты» (как фобия) и

«страх в темноте» (как реальный страх с иррациональным компонентом) [20]. Человек плохо приспособлен к жизни в условиях пониженной освещенности, поэтому чувствует в темноте себя неуверенно, а также, возможно, обладает своего рода генетической программой «страха в темноте», выполняющей охранительную функцию. Другим объяснением безусловности «страха в темноте» может выступать факт, связанный с особенностью обработки информации в условиях зрительной депривации: в темноте человек обладает «половинчатой информацией», которая дополняется воображением. Следовательно, если горожанин считает, что живет в опасном мире и его воображение населено опасными существами (злыми собаками, карманниками, грабителями, маньяками), то любая темнота для него недружелюбна: *«Когда возвращаешься поздно домой, в темноте страшно в любом месте города. Днем как-то об этом не думаешь»* (горожанка, 51 год).

2. Тоннели и подземные переходы

Наряду с мостом тоннель является одним из древнейших городских сооружений, однако часто горожане не могут объяснить, почему они опасаются любых тоннелей — и подземных, и наземных (деревянных, рядом со строительными объектами), днем и вечером: *«Самые страшные места в моем городе? У-у-у, легче назвать пару приемлемых. А вообще (пауза) — да вы зайдите в любой подземный переход. Страшно? Вот и мне. А еще такие тоннельчики, которые пристраиваются к стройкам. По-моему, они очень страшные. Они узкие. Они дезориентируют. Я вообще как будто себя теряю, когда в них попадаю. И ладно, еще парочка была бы, а когда они везде! Выхо-*

дишь на площадь, а там одни стройки, стройки и тоннельчики с хлипкой грязью на узких тропинках. И города-то не видно» (горожанка, 16 лет).

Иррациональный характер данных мест страха не находит опоры в реальном опыте. Более подробные расспросы о тоннелях (есть ли примеры нападений в тоннелях в собственной практике или нападали ли на знакомых) практически ничего не дают: *«Ощущение какой-то неуютности, настороженности вызывают тоннели, в том числе метрополитена. Потому что обычно это места, где ходит достаточно мало народа и зачастую туннели не всегда хорошо освещены. Ассоциациями к этому могут быть какие-то фильмы или криминальные сводки о преступлениях пусть не в тоннелях, но, по ощущениям, в таких же темных и пустынных местах»* (горожанка, 29 лет).

В данном случае напрашивается классическая психоаналитическая интерпретация тоннелей как способа мучительного путешествия, вызывающих ассоциации с «травмой рождения», детально проанализированной психоисториками [6].

3. Чужаки и рынки

Г. Зиммель в своем известном «Эссе о Чужаке» представил «пришлого», гостя, чужого как потенциального странника, который, как бы осев на одном месте, тем не менее всегда готов отправиться в путь [9]. Чужак своим пребыванием как бы приближает границу, «открывает пространство», делает его более непредсказуемым и в контексте иррациональных страхов пугающим: *«Мне кажется, что страшное место моего города — это Канавинский рынок. Это страшное место, потому что там несвежая шаурма и потому что там много нерусских людей, они меня пугают»* (горожанка, 17 лет).

Г. Зиммель пишет о торговцах как о Чужаках, следовательно, места торговли (например, рынки), где обитают эти Чужаки, становятся пространством господства данного иррационального страха. Часто горожане стесняются своего страха Чужаков, идентифицируя его как признак нетолерантности, но это смущение не изменяет принципиально настроенного отношения к Чужакам: *«Московский район пугает меня тем, что в нем проживает много людей кавказских национальностей. Я не расистка, но к ним испытываю большую антипатию»* (горожанка, 34 года).

Попытка рационализировать свой страх, связав преступления против горожан с фактом наличия «иностранцев», например на рынке, не выдерживает «испытания историей». Как только начинается разговор о Чужаках, выясняется, что «чужаков» обвиняют не в серьезных преступлениях, а в непонятном, «культурно-неприемлемом» поведении: *«Я проживаю в Автозаводском районе. Для меня самым пугающим местом в Нижнем Новгороде является район Канавинского рынка. Там множество подозрительных иногородних представителей, общение с которыми нередко приводит к неизбежным неприятностям. Грабеж, манипуляции, введение в заблуждение честных жителей. Иностранцы при проходе хватают за руки и пытаются куда-то отвести и что-то предложить, независимо от того, хочешь ты этого или нет»* (горожанка, 34 года).

4. «Свои Другие»

Кроме Чужаков (мигрантов, «иностранцев») с местами их обитаний горожан традиционно пугают «плохие места», где обитают Другие. Негативное восприятие Другого, маргинализация

Другого, поиск «внешнего врага» психоаналитики связывают с подавляющим личностью воспитанием, способствующим раскалыванию внутреннего мира взрослеющего человека на «хорошего себя» и «плохого себя», и дальнейшую проекцию «плохого» на внешнее окружение [2]. Если мыслить в контексте психоанализа, именно этот процесс проекции «дурного» вовне может объяснить обилие мест в пространстве постсоветского города, которые населены Другими — «плохими людьми» («гопниками», бандитами и т. п.), о которых известно, как правило, с чьих-то слов: *«Слышала, что есть еще пара опасных мест на Покровке (главная пешеходная улица города. — Н. Р.). Сама я там не была, но говорят, что там происходят сходки готов и представителей других течений. Часто драки бывают. Слышала, что это где-то в заброшенных дворах и еще около Драмтеатра»* (горожанка, 17 лет).

Если мыслить в терминах современных исследований постмодернистского толка, то места существования Других возможно прочитывать иначе — как территории изгоев, социально неприемлемых, исключенных, ненормальных [23]. Некоторые районы в городе из-за неблагоприятной криминальной статистики традиционно рассматриваются как имманентно криминогенные («страшные»), которые лучше бы стереть с карты города. О «страшных районах» часто не знают ничего конкретного и даже четко не формулируют, в чем угроза этих «страшных мест», поэтому обоснования для «страха» выглядят достаточно иррационально: *«На мой взгляд, самое страшное место — Автозавод и Сормово, потому что там неприятно находиться, и там гопники»* (горожанка, 16 лет).

Как правило, абстрактные «страшные места», где «водятся» Другие, присутствуют в рассказах юных горожан: *«В моем городе опасное место — это нижняя часть города. Люди там не такие, как наверху. Не наблюдаются милицией заброшенные парки, дома. Все очень распушено: алкогольизм, курение»* (горожанка, 17 лет).

У более старших горожан упрощенное представление о «страшных местах» изменяется, «места страха» получают конкретную интерпретацию, разрушаются образы абстрактных Других. Они становятся более узнаваемыми в контексте социологических теорий как очевидно изолированные и отторгнутые Другие, которые хоть и не опасны, но пугают самим фактом своего существования: *«В Автозаводском районе рядом с улицей Спутник располагается женская тюрьма № 2 — довольно зловещее, напряженное, мало освещенное место с довлеющей атмосферой. Я знаю, что там есть охрана, но когда идешь рядом, все равно жутко»* (горожанка, 43 года).

5. «Места движений и перемен»

Итак, Чужаки и «свои Другие» своим присутствием «помечают» места иррационального страха: страшно там, где они бытуют. Кроме этого, в рассказах о «страшных местах» в городе постоянно встречаются темы, описывающие «места движений» как пугающие без рациональных объяснений. Эти «страшные места» воспринимаются как каналы поставки Других и Чужаков, то самое приграничье, грозящее переменами и неизвестностью: *«Самые неприятные для меня места — плохо освещенные тоннели, пешеходные переходы, особенно на Московском вокзале. Потому что там много бомжей и наркоманов, постоянная суета вокруг. У меня в таких местах есть ощу-*

щение, что кто-то нападет или что-то сворует» (горожанка, 27 лет).

А. Обхольцер иррациональный характер страхов объясняет нарушенным чувством безопасности: любые изменения нарушают стабильность, якобы знакомые границы, привносят новое, возможно, опасное [3]. Вокзалы в городе являются теми «местами движений», которые грозят переменами и поставляют Чужаков и Других: *«В моем городе одним из страшных мест является ночной вокзал, так как там постоянно обитают своеобразные личности. Это громкий стук колес, старые, скрипящие вагоны,... это все нагнетает»* (горожанка, 17 лет).

Современные городские вокзалы, как правило, благоустроены и охраняемы, однако иррациональный страх не нуждается в объективном подтверждении, поэтому горожане по-прежнему опасаются вокзалов: *«Мне не нравится район Московского вокзала, потому что он неблагонадежен. Я его не боюсь, он просто не нравится и все. Он мог бы быть благоустроеннее»* (горожанин, 41 год).

«Места движений» в фантазиях горожан опасны еще и тем, что, постоянно пребывая с ними в непосредственной близости, сам как бы становишься Другим (не просто обычным «пьяным» или «таксистом», а жителем «приграничья»): *«Самым пугающим местом для меня в моем городе всегда считался район Московского вокзала и прилегающие к нему подземные переходы, особенно в вечернее время. Всегда возле него было много пьяных, бомжей, таксистов и всегда грязь и вонь в подземке»* (горожанка, 34 года).

6. Места разрушений и смерти

Традиционно в число «страшных мест» попадают места разрушений и места, напоминающие о существовании

смерти: «Самое страшное место для меня — заброшенный мостик в Советском районе по улице Косогорной, там очень жутко. Еще навевают страх старые дома и заброшенные дачи на улице Пушкина, где проходят трамвайные пути» (горожанка, 19 лет).

Городская жизнь современного российского города вытесняет все напоминания о смерти: крышку от гроба, «маркирующую» жилище умершего человека, не ставят у подъездов многоквартирных домов, покойников, как правило, перед похоронами не возвращают в их прежнее жилище из моргов, отправляя сразу на погост.

Смерть сама становится как бы «исключенной» и потому пополняет ряды Других в городе. Неожиданно сталкиваясь в городе со следами смерти, горожанин как бы теряет ориентацию в пространстве и времени, и это пугает: «Я живу на окраине Сормовского района. Рядом находятся лес, канал и новосормовское кладбище. Как-то я каталась на лыжах по зимнему лесу и наткнулась на необычное место. В землю были воткнуты колышки, на них таблички с номерами. Я поняла, что это захоронения неопознанных трупов. Все это находилось рядом с лыжней и так близко к городу. Стало жутко от этих неизвестных могил. Такое ощущение, что мы живем в военное время» (горожанка, 41 год).

7. Безлюдные места

Как и предсказывал Дж. Джекобс, безлюдные места также становятся маркерами «страшных мест» в городском пространстве: «Очень часто нагнетают страх места где-нибудь на окраине города, где стоят деревянные дома, пустырь, лай собак. Вот так идешь и кажется, что сейчас из-за угла выбежит маньяк и

раскромсает на кусочки... бр-р» (горожанка, 18 лет).

Отсутствие людей рядом рассматривается как невозможность попросить о помощи в ситуации нападения, т. е., если горожане оценивают городскую среду как потенциально опасную, безлюдные места оказываются в числе «страшных мест» в городе.

Итак, карта иррациональных страхов современного города может быть раскрашена вполне определенно: в зоны страха попадут вокзалы и рынки, районы локального проживания мигрантов, места заброшенных строений или развалины, тоннели и, с большой долей вероятности, метрополитен.

Чем более горожане сомневаются в наличии безопасности в городе, тем вероятнее, что в качестве «страшных мест» будут называть безлюдные и плохо освещенные места, кроме того, в реконструированном городском пространстве появятся «плохие» зоны обитания маргиналов, «своих Других».

Вслед за Дж. Джекобсом, мы полагаем, что острота и глубина иррациональных страхов городского пространства являются отражением общего социального неблагополучия города, а не только характеризуют работу органов охраны правопорядка.

Город как «фабрика риска»

В данном исследовании понятие «риск» используется как тесно связанное с понятием «угроза»: городская среда полна угроз и вызовов, однако горожанин каждое утро отправляется в «пучину городских угроз», безусловно и отчаянно рискуя.

Осознавая угрозы, горожане испытывают «реальный страх», могут объяснить причины, почему то или иное событие или место является угрожающим, данный страх вполне рационален, а его причины четко и определенно проговариваются горожанами.

Чтобы реконструировать представления горожан о «страшных местах», основанные на потенциальном риске, проанализируем, какие угрозы составляют статистику МВД в городах.

Криминальная статистика включает в себя как основные следующие содержательные единицы: причинение ущерба в особо крупных размерах, экологические, террористические, экстремистские преступления, похищения людей, убийство и покушение на убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, хулиганство, изнасилование, разбой, незаконное проникновение в жилище, грабеж, кража, мошенничество, наркоторговля, растрата, вымогательство, происшествия на дорогах [11].

В методических пособиях, посвященных личной безопасности, дают рекомендации по «правильному поведению» в следующих ситуациях риска в городе [12]:

1) личная безопасность на улице (разбойное нападение, уличное ограбление);

2) личная безопасность на транспорте (в метро, в общественном транспорте, в лифте, в автомобиле, на пешеходном переходе).

3) безопасность в общественных местах (на пляже, на концерте, на митинге);

4) безопасность в группе (социальное давление, насилие);

5) безопасность в семье.

К отдельной группе рисков относят мошенничество, кражи, торговлю, техно-

генные риски и терроризм, описывают предупредительные меры, связанные с безопасностью.

В качестве основных «групп риска» (потенциальных жертв) рассматривают, как правило, детей, подростков и женщин.

В интервью горожане отметили следующие «страшные места» как «зоны риска».

1. Зоны движения автомобильного транспорта («проезжая часть»)

Проезжей части опасаются, как правило, взрослые горожане: *«Мне страшны все дороги Нижнего Новгорода. Я видела, как сбили человека на остановке, и просто попавших в беду людей именно на дороге. Особенно страшно видеть, как на столбах развешены венки»* (горожанка, 47 лет).

В последнее время в городских новостях (особенно специализированных криминальных хрониках) часто обсуждают нарушения правил водителями и наезды на пешеходов на автобусных остановках или пешеходных переходах.

Горожане обнаруживают, что опасности являются не абстрактными историями из новостей, а реальностью их собственной жизни, если в пространство их повседневных перемещений включается какой-либо плохо размеченный перекресток или другие проблемные зоны проезжей части: *«Для меня страшное место — это перекресток проспект Бусыгина — улица Дьяконова (стадион Северный). А почему страшно? Потому что очень часто бывает выключен или сломан светофор. И не знаешь иной раз, как перейти дорогу. Машины несутся с бешеной скоростью, не уступают. А иногда идешь не одна, а с ребенком. И что делать?»* (горожанка, 25 лет).

2. Лесопарки и парки

Есть большое искушение рассматривать лесопарки и парки, достаточно часто описанные в интервью как особо страшные городские места, в контексте иррационального страха, ссылаясь на народные сказки, вспоминая архетипы и представляя, вслед за В. Я. Проппом, лесопарки и парки как «область бессознательного» горожан [17].

Однако горожане настолько подробно, с примерами, поясняют причины, по которым включили парковые зоны в число «страшных мест», что любые психоаналитические интерпретации оказываются избыточными: «Для меня страшным местом в городе является Сормовский парк. В этом парке есть такие укромные места, где очень часто сидит пьяная молодежь, наркоманы. Еще недавно был случай изнасилования в этом парке маленькой девочки. Узнаешь такое и становится очень страшно за своего ребенка и за себя, больше мы в этот парк стараемся не ходить гулять» (горожанка, 31 год).

Подобные истории прозвучали про все городские парки, что позволяет, с точки зрения горожан, вполне определенно отнести любые городские парковые зоны к «местам риска». «Парк “Дубки” — практически заброшенный, неухоженный парк. Страшно ходить около или через него, особенно вечером. Известно много случаев нападений и грабежей в этом парке, также много случаев сексуальных домогательств» (горожанка, 27 лет).

3. «Точки» продажи наркотических средств: клубы, притоны и т. п.

В каждом районе города есть свои особые места, где горожане могут купить алкоголь или наркотики. Так называемые

точки продаж алкоголя и наркотиков также описываются горожанами в контексте реальных страхов: «Я — мама двоих взрослых сыновей. Для меня страшное место — это один из баров нашего города, в котором происходят нелицеприятные вещи, где просто-напросто наша молодежь теряет свой человеческий облик под воздействием наркотических средств и спиртных напитков» (горожанка, 48 лет).

«Точки продаж» наркотических средств притягивают покупателей, которые, например, в состоянии абстиненции готовы напасть или украсть «за дозу»: «Я считаю страшным местом нашего города... Ленинский район, а в частности — Красную Этну, Молитовку, Карповку, Пролетарскую, поселок Дачный, Суздальскую, Гвоздилку, Грековку, так как там продают наркотические и психотропные вещества. Туда приезжают лица, употребляющие эти вещества, со всего города. В темное время суток опасно выходить на улицу, не говоря уже про детей» (горожанин, 34 года).

4. Места развлечений

Среди опасных и, следовательно, страшных мест горожане называют места публичных увеселений и развлечений: стадионы, площади, так называемые зоны отдыха.

Эти «зоны», с точки зрения горожан, являются зонами повышенного травматизма: «Еще одно опасное место в городе — стадион “Труд” в Сормовском районе, особенно в зимнее время года, так как зимой на наш каток приходит большое количество людей. Там бывают разные травмы и несчастные случаи, например, переломанные руки и ноги» (горожанка, 22 года).

Горожане отмечают, что публичные места городского отдыха тают в себе неочевидные опасности. Возможно, здесь не столкнешься с прямым нападением, однако есть большая вероятность встретить как бы «невидимую преступность» — мошенников, карманников и т. п.: *«Страшные места — площадь Минина, Горького, парк Швейцария. Это те места, которые принято считать центром города и самыми популярными для проведения досуга. Гуляя по этим местам, мы идем степенно, не настроены на встречу с какой-то конфликтной ситуацией, ведь для нас это места отдыха. Но именно тут и больше всего возможностей встретиться с преступностью (далее рассказывает о мошенниках на главной пешеходной улице города)»* (горожанка, 52 года).

5. Общественный транспорт

Часто горожане среди самых страшных мест называют общественный транспорт: *«Страшное место — это городские автобусы. Что в них только не происходит! Драки, ругань, обман, воровство»* (горожанин, 43 года).

Горожане не упоминают в качестве пугающего факт нарушения личной дистанции в общественном транспорте — к этому привыкли. Однако и драки, и карманные кражи становятся как раз во многом результатом «бытия в толпе», результатом нарушения личного пространства горожанина.

6. «Дворовые территории» (дворы рядом с домом)

Описывая публичное пространство города как «зоны страха», горожане все ближе «подбираются» к внешне безопасному приватному пространству своего дома и квартиры. Оказывается, опасность и риск обрушиваются на горожа-

нина, как только он переступает порог собственного дома: *«Очень неблагоприятно на улице Попова, где я раньше жил. Сосед по площадке два года назад возвращался домой и, почти дойдя до дома, получил бейсбольной битой по голове. Сосед снизу в прошлом году в подъезде был избит и расстался с телефоном. Два моих друга из соседнего корпуса чуть-чуть не были зарезаны три года назад недалеко от дома: им повезло, остались живы»* (горожанин, 21 год).

В пособиях по городской безопасности «нападения на улицах» рассматриваются вообще, абстрактно, поэтому горожане не могут поверить, что «нападение на улице» означает — на улице буквально рядом с твоим домом: *«... и ты продолжаешь свой путь к дому. И когда ужеходишь к подъезду и подносишь ключ к домофону, сильным рывком тебя кидают на асфальт, отбирают сумку с деньгами, телефоном и документами и скрываются в уютных соседних двориках. А в милиции говорят: мы за всеми уследить не можем»* (горожанка, 27 лет).

Дворовые территории оказываются опасными с точки зрения как уличной преступности, так и несчастных случаев, связанных с халатным управлением домовым хозяйством: *«Боюсь ходить под крышами домов зимой. Льдышки часто падают и происходят травмы. На меня недавно чуть не упала одна сосулька»* (горожанка, 16 лет).

7. Подъезды многоквартирных домов

Подъезды, в том числе подъезды домов проживания горожан, описываются в пособиях по безопасности как особые территории, требующие исключительной осторожности. При интервью складывается впечатление, что с приближением к дому у горожанина страх нараста-

ет так, как если бы он подходил к границе, которую необходимо пересечь, чтобы оказаться в безопасности, в пространстве собственной квартиры: *«Самое страшное место моего города — это мой подъезд в моем доме, особенно ночью. Домофон у нас часто выходит из строя, подъезд остается открытым для посторонних людей. Однажды ночью я возвращалась с работы, в подъезде было темно, а на одной из лестничных клеток распивали спиртные напитки несколько молодых парней. Я молча прошла мимо, но холодок по коже пробежал. Мне было очень страшно»* (горожанка, 29 лет).

Городские Другие как бы «подкарауливают» горожан на границе между приватным и публичным городским пространством, корыстно используя иллюзию безопасности «родного дома»: *«Страшные места — подъезды домов на улицах Автозавода. В домах, где живу я и мои знакомые, постоянно собираются наркоманы. Три года назад мужа стукнули по голове металлическим предметом, когда он выходил из подъезда собственного дома, хотели отнять пакт»* (горожанка, 46 лет).

8. Районы с дешевым жильем

В том случае когда место жительства горожанина случайно оказывается в неблагоприятной зоне, например в районе с дешевым жильем, граница между городом и домом (публичным и приватным) описывается как пространство боевых действий. Чтобы оказаться дома в безопасности, горожанину необходимо пересечь данные «опасные зоны»: *«Такие районы, в первую очередь, являются пристанищами для наркоманов и алкоголиков, так как содержат много семейных общежитий с комнатами по низкой цене за аренду. Амнистированные или освобожденные из тюрем могут себе позволить*

жилье только в таком районе. И здесь же грабят» (горожанка, 32 года).

9. «Точки» контроля правоохранительных органов

В интервью молодых горожан встречались описания таких «страшных мест» в городе, которые отражали границы функционирования органов правопорядка: *«Самые страшные места нашего города — это “Бобик” и “обезьянник”. Почему? Ну-у, вы понимаете (улыбается)»* (горожанин, 17 лет). Полагаю, подобные истории можно отнести к «голосу Других»: тех самых Других в городе, которых боится большинство горожан, считая их опасными и заслуживающими изоляции («бобик» — милицейский автомобиль для перевозки задержанных; «обезьянник» — место для временного содержания задержанных).

10. Зоны экологических бедствий

Экологический ущерб анализируется в милицейской статистике, но, как правило, не фигурирует в пособиях по городской безопасности. Тем не менее более старшие горожане «местами угроз» считают зоны экологических бедствий: *«Страшное место нашего города — это река Имза. Раньше в детстве это было красивейшее место. Рядом были заливные луга. Была чистая вода, кувшинки. Все жители нашего города ходили отдыхать на речку, ловить рыбу. А сейчас местный маслозавод спускает в нее свои отходы. Река заросла, покрылась тиной, рыба вымерла. И местным жителям негде отдохнуть»* (горожанка, 53 года).

Экологические угрозы выглядят несколько дистанцированными от горожанина и упоминаются достаточно редко.

11. НЕ-город: гаражные массивы, нежилые здания

Безлюдные места, как и в случае с иррациональными страхами, с подробным

обоснованием называются горожанами как «рискованные»: «*Страшным местом я бы назвала гаражный массив, который находится по дороге от дома до остановки. Темный, неосвещенный. Там всегда собираются “нехорошие” компании, несколько раз грабили девушек. Еще пугает район больницы. Там безлюдно, бегают много бездомных собак, ходят “обколотые” парни, пристают к девушкам. Собаки бросаются на людей*» (горожанка, 22 года).

В отличие от немотивированного страха в данном случае угрозы описываются и объясняются, к тому же угрозы содержат «природные» элементы — НЕ-людей (животных): «*В каждом районе города есть такие страшные места. Вот пройдешься*

по одному из таких мест, к примеру, в вечернее время суток, где нет ни фонарей, ни людей, а лишь голодные собаки — становится жутко Как правило, это гаражи или детские сады» (горожанин, 34 года).

Выводы

Несмотря на то что в процессе анализа реальные страхи горожан были условно разделены на иррациональные страхи и страхи-риски, в итоге получилась достаточно определенная и простая система координат «страшных мест» в городе. Основу этой системы координат задает дихотомия «город — НЕ-город» (схема).

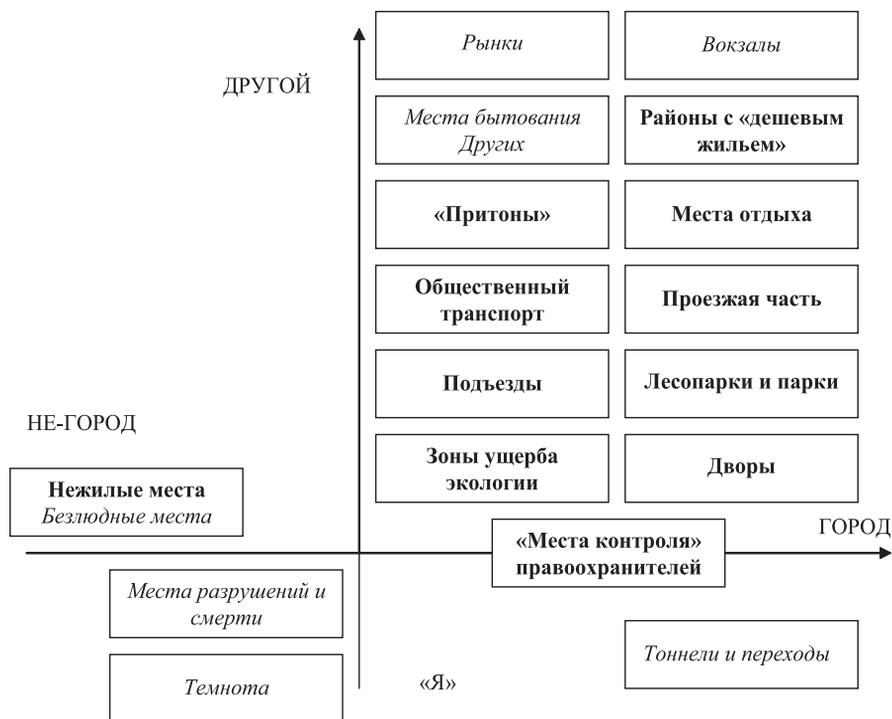

Схема. «Страшные места» города:

курсив — иррациональный страх, полужирный — страх-риск

«Страшными» горожанам кажутся места, которые во многом город олицетворяют, и одновременно те места, которые символизируют разрушение города. Так, горожане иррационально опасаются тоннелей и вокзалов, а также считают зонами риска места «городского отдыха», проезжую часть и городской транспорт. Вместе с тем любое безлюдное место иррационально или продуманно оценивается горожанами как «страшное», а разрушенные или ветхие строения вызывают немотивированную тревогу. Горожане хотят сохранить природное в городском пространстве (чистоту реки, например), однако многие «природные элементы» города (лесопарки, собаки и т. п.) оказываются в зоне пространства риска и «страшных мест».

Другая дихотомия в системе координат «страшные места» города задается конструктом «Я — Другие», при этом палитра Другого разнообразна: от Чужака (мигранта, иностранца) до опасного по какой-либо причине «своего Другого» (наркомана, «гопника», карманника и т. п.). Иррационально страшатся Чужаков, рационально — «своих Других».

Эта дихотомия также интересна идеей границы между «Я» и «Другой»: в историях горожан отдельные территории города маркируются как территории Других (дешевые районы, места локального проживания мигрантов, рынки и т. п.), где «хороший горожанин» предпочитает не оказываться. Однако Другие намеренно вторгаются на территории «хороших горожан» (родные дворы и подъезды и т. п.), заставляя своим присутствием переживать страх «приграничной территории», пока горожанин не окажется в безопасной приватности своей квартиры.

Горожанин в данном исследовании сам «прочитывается» в терминах «потерявшегося», в терминах маргинальности: выбирает город для жизни и боится (мотивированно и немотивированно) своего города, опасается безлюдных мест и одновременно страшится других людей. Таким образом, амбивалентность характеристик — вероятно, один из самых устойчивых и даже основополагающих принципов в представлении социально-психологического явления «городской образ жизни».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агатов В.* Темная ночь // Русские советские песни / Сост. Н. Крюков, Я. Шведов. М., 1977. <http://a-pesni.golosa.info/ww2/oficial/temnnotch.htm>
2. *Бассиюни К.* Воспитание народоубийц: власть или зрелость. О принуждении к послушанию и стремлении к автономии. СПб., 1999.
3. Бессознательное в организации: психоанализ социальных систем / Сост. И. Айзенбах-Штангль, М. Эртель / Пер. с нем. А. В. Логинова. М., 2009.
4. *Вирт Л.* Избранные работы по социологии. Сб. переводов / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М., 2005.
5. *Витковская М. И.* Теоретико-методические проблемы изучения «страха» в социологии // Вестник РУДН. Сер. «Социология». 2003. № 4–5.
6. *Де Моз Л.* Психоистория. Ростов-н/Д., 2000.
7. *Емельянова Т. П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006.
8. *Заболоцкий Н.* Когда вдали угаснет свет дневной // Заболоцкий Н. Меркнут знаки Зодиака. М., 1998: <http://www.stihi-rus.ru/1/Zabolockiy/44.htm>
9. *Зиммель Г.* Эссе о чужаке // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник / М., 2003.
10. *Изард К. Е.* Эмоции человека. М., 1980.
11. Краткий анализ состояния преступности. Статистика: <http://www.mvd.ru/stats/10000231/10000232/6197/>
12. Личная безопасность: <http://www.warning.dp.ua/privatsec/index.html>
13. *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. СПб., 2000.
14. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / Под ред. В. А. Колосова. М., 2003.
15. *Монсон П.* Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / Пер. со швед. СПб., 1992.
16. *Парк Р.* Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 5. № 1.
17. *Пропт В.* Морфология сказки. Л., 1928.
18. Социальная психология / Под ред. С. Московичи / Пер. с франц. Т. Смолянской. СПб., 2007.
19. Страх // Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1985.
20. Страх темноты: http://www.russkie-ideiki.ru/1_4/2_1.php
21. Удобное пространство города. От редакции // Российское экспертное обозрение. 1997. № 4–5 (22).
22. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989.
23. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху / Пер. с франц. И. Стаф / Под ред. В. Гайдамака. СПб., 1997.
24. *Чуковский К. И.* Краденое солнце. М., 2009.
25. *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. N. Y., 1961.
26. *Park R. E.* The city. Chicago; L., 1967.

Social Psychology of Urban Life: Fear City

N. K. RADINA

PhD in Political Science, PhD in Psychology, professor at the Developmental and Educational Psychology Chair of the Nizhegorodsky State Pedagogical University, professor at the Psychology Chair of Nizhegorodsky Institute of Management and Business

In the article, the symbolic map of dangerous and scary urban places is reconstructed on the basis of the social representations concept. The coordinate system of this 'symbolic map of fears and risks' is represented by the following constructs: 'the City – the Non-City' and 'Me - the Other'. It is argued that, as perceived by urban residents, fearsome places are mainly connected with 'the Others' in the city.

Keywords: *urban life, risk, the Other, the Stranger.*

REFERENCES

1. Agatov V. Temnaya noch' // Russkie sovetskie pesni / Sost. N. Kryukov, Ya. Shvedov. M., 1977. <http://a-pesni.golosa.info/ww2/oficial/temnnotch.htm>
2. Bassiyuni K. Vospitanie narodoubiic: vlast' ili zrelost'. O prinuzhdenii k poslushaniyu i stremlenii k avtonomii. SPb., 1999.
3. Bessoznatel'noe v organizacii: psihoanaliz social'nyh sistem / Sost. I. Aizenbah-Shtangl', M. Ertel' / Per. s nem. A. V. Loginova. M., 2009.
4. Virt L. Izbrannye raboty po sociologii. Sb. perevodov / Per. s angl. V. G. Nikolaeva. M., 2005.
5. Vitkovskaya M. I. Teoretiko-metodicheskie problemy izucheniya "straha" v sociologii // Vestnik RUDN. Seriya "Sociologiya". 2003. № 4–5.
6. De Moz L. Psihoistoriya. Rostov-n/D., 2000.
7. Emel'yanova T. P. Konstruirovanie social'nyh predstavlenii v usloviyah transformacii rossiiskogo obshestva. M., 2006.
8. Zabolockii N. Kogda vdali ugasnet svet dnevnoi // Zabolockii N. Merknut znaki Zodiaka. M., 1998: <http://www.stihi-rus.ru/1/Zabolockiy/44.htm>
9. Zimmel' G. Esse o chuzhake // Social'noe prostranstvo: Mezhdisciplinarnye issledovaniya: Referativnyi sbornik / M., 2003.
10. Izard K. E. Emocii cheloveka. M., 1980.
11. Kratkii analiz sostoyaniya prestupnosti. Statistika: <http://www.mvd.ru/stats/10000231/10000232/6197/>
12. Lichnaya bezopasnost': <http://www.warning.dp.ua/privatsec/index.html>
13. Milgram S. Eksperiment v social'noi psihologii. SPb., 2000.
14. Mir glazami rossiyan: mify i vneshnyaya politika / Pod red. V. A. Kolosova. M., 2003.
15. Monson P. Sovremennaya zapadnaya sociologiya: teorii, tradicii, perspektivy / Per. so shved. SPb., 1992.

16. *Park R.* Gorod kak social'naya laboratoriya // Sociologicheskoe obozrenie. 2002. T. 5. № 1.
17. *Propp V.* Morfologiya skazki. L., 1928.
18. Social'naya psihologiya / Pod red. S. Moskovichi / Per. s franc. T. Smolyanskoi. SPb., 2007.
19. Strah // Kratkii psihologicheskii slovar' / Pod red. A. V. Petrovskogo, M. G. Yaroshevskogo. M., 1985.
20. Strah temnoty: http://www.russkie-ideiki.ru/1_4/2_1.php
21. Udobnoe prostranstvo goroda. Ot redakcii // Rossiiskoe ekspertnoe obozrenie. 1997. № 4–5 (22).
22. *Freid Z.* Vvedenie v psihoanaliz: Lekcii. M., 1989.
23. *Fuko M.* Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epohu / Per. s franc. I. Staf / Pod red. V. Gaidamaka. SPb., 1997.
24. *Chukovskii K. I.* Kradenoe solnce. M., 2009.
25. *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. N. Y., 1961.
26. *Park R. E.* The city. Chicago; L., 1967.